

ПРАВО НА УЕДИНЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ ОФОРМЛЕНИЯ ОПЫТА ПРИВАТНОСТИ

Чеснокова Леся Владимировна,
*кандидат философских наук,
сотрудник Омского государственного
университета путей сообщения,
Россия, 644046, Омск, пр. К. Маркса, 35
ORCID: 000-0003-4283-0443
L.Tchesnokova@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматривается право индивида на уединение в своем частном пространстве. Право на частную жизнь подразумевает не полное одиночество и отсутствие социальных контактов, а возможность самостоятельно регулировать степень близости и дистанции в отношениях с другими людьми. Человек как социальное существо испытывает потребность как в общении, так и в отдыхе от других людей в своем частном пространстве, предоставляющем возможность для досуга и личного саморазвития. Собственное жилище закрыто от объективирующего взгляда Другого; здесь не требуется носить социальную маску, учитывать чужое мнение, подвергаться чьим-то оценкам. Потребность в уединении также обусловлена телесной природой человека, поскольку, согласно общественным предписаниям, многие действия, связанные с уходом за телом, должны быть закрыты от публики.

Степень необходимости побыть вне общества зависит от времени и культуры. В традиционном обществе Средневековья пребывание в одиночестве расценивалось как состояние опасности, опыт недостаточности, причиной чего была слабость государственных структур, не предоставлявших индивиду защиту. С ростом индивидуализма, связанным с усилением государства, а также повышением благосостояния и грамотности населения происходит усложнение жизненного мира личности и растет потребность в уединении. В Новое время происходит дифференциация домашнего пространства: возникают такие виды помещений, как библиотека, кабинет, комната, где человек мог предаться отдыху, размышлениям или чтению в одиночестве. Долгое время только обеспеченные слои населения могли позволить себе частное пространство. Однако со второй половины XX в. такая возможность появляется у большинства населения развитых стран.

Для современного человека наличие своего частного пространства является психологической потребностью, ущемление которой вызыва-

ет состояние депривации, тревоги и раздражения. Нарушение приватного пространства характерно для тоталитарных режимов, стремящихся осуществлять тотальное наблюдение и контроль над индивидом. Право на приватность конститутивно для человеческого достоинства и является базовым для современной концепции личности, ее свободы и автономии.

Ключевые слова: одиночество, уединение, приватность, телесность, автономия личности, взгляд Другого, депривация.

Библиографическое описание для цитирования:

Чеснокова Л.В. Право на уединение как условие оформления опыта приватности // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 2, ч. 2. – С. 434–451. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-434-451.

В 1890 г. С. Уоррен и Л. Брандейс в статье «Право на приватность» сформулировали «право быть оставленным в одиночестве» (*right to be let alone*) как определение приватности. *Right to be let alone* подразумевает право на отказ от общества других людей, на защиту от внимания посторонних в закрытом приватном помещении (например, в собственном доме) [30, p. 76].

Ставшая знаменитой фраза «Right to be let alone» связывает такие понятия, как приватность и одиночество. В ряде определений приватности имплицитно подразумевается уединение, закрытость от (нежелательных) других. Словари английского языка определяют приватность как «а) положение или существование вне общества других людей; одиночество; б) изоляция, отделение или свобода от нежелательного надзора или наблюдения» [31, p. 1804]. «Privacy – 1) (желаемое) состояние или нахождение вдали от других людей, так что они не могут видеть или слышать то, чем занимается индивид, интересоваться его делами и т. п. Во многих западных странах этому обычно придается большое значение, и люди ожидают от других уважения к своей приватности; 2) секретность, нежелание быть замеченным или обсуждаемым публично» [25, p. 1603].

По мнению Т.В. Лариной, семантика данного концепта наиболее полно раскрывается в надписи «Private», которую можно увидеть на дверях, означающую закрытость данной территории для посторонних. «Соответственно, privacy – это та зона личной автономии, в которую посторонним вход воспрещен» [11, с. 129].

Некоторые исследователи приватности связывают ее с ограничением доступа к личности. Р. Гависон предполагает, что «индивид наслаждается совершенной приватностью, когда он полностью недоступен для других» [24, p. 350–351]. При этом состояние приватности предполагает, что никто не имеет информации об индивиде, никто не обращает на него внимания и никто не имеет к нему физического доступа. По словам

Х. Арендт, «привативный характер приватного лежит в отсутствии других» [1, с. 76].

В данных определениях приватность понимается как состояние, которое защищает от нежелательного присутствия других. Таким образом, можно было бы прийти к выводу, что определяющим признаком приватности является ограничение контактов с другими людьми. Однако, по мнению некоторых авторов, в ее основе лежит возможность контроля индивида над собственными социальными связями. В качестве примера Б. Рёслер приводит расщелину в горах. Если человек попадет туда, нельзя будет утверждать, что он находится в приватном пространстве, хотя оно удовлетворяет условиям недоступности для других. Однако это состояние одиночества и отсутствия контактов вынужденное, а не добровольное. Следовательно, «момент осознанного контроля кажется конститутивным для значения приватного: хотя можно находиться в одиночестве, но не в состоянии приватности» [28, р. 21].

А. Макстей отмечает, что одиночество, заключающееся в отсутствии социальных контактов и отношений, и приватность – это разные вещи. «Бытие в одиночестве – это просто отсутствие других, которые каким-то образом связаны с нами... Приватность же включает в себя систему связей, интеракций и действий» [26, р. 5]. В определении приватности исключительно как «права быть оставленным в одиночестве» (*right to be let alone*) Макстей видит «ловушку изоляции» [26, р. 47]. Основная характеристика приватности – это не право быть оставленным в одиночестве, а возможность самостоятельного регулирования социальных взаимодействий с другими людьми, степени близости и дистанции в отношениях.

Приватность существует в неразрывной связи с публичностью. Приватность, как и публичность, будучи социальной категорией, возможна только в обществе. На необитаемом острове право на приватность не имеет смысла, так как у человека нет свободы выбора и общества, которое уважало бы этот выбор. Приватность включает в себя не одиночество, а возможность самостоятельно регулировать свои личные границы: решать, кого, когда и до какой степени в них пускать.

Таким образом, приватность предполагает не полное одиночество и отсутствие социальных контактов, а возможность уединения. Следует различать эти два понятия. Одиночество, понимаемое как «переживание собственной невовлеченности в глубокие отношения с другими людьми, нехватки близости», как правило, имеет негативную коннотацию [10, с. 31]. Уединение же, будучи личным выбором человека, может выступать в качестве позитивного опыта, предоставляя возможность для личностного развития, самопознания и творчества.

Почему человек порой чувствует потребность побыть вне общества? Э. Левинас определяет опыт нахождения наедине с самим собой как единство существующего, являющееся основой существования. «Субъект одинок, так как он – нечто одно. Одиночество необходимо для свободы начала, для власти существующего над актом существования, иначе говоря, для того, чтобы существующий вообще был» [12, с. 40–41]. Следовательно, одиночество включает в себя не только экзистенциальную оставленность и отчаяние человека в мире, но и независимость, гордость и мужество личности, неоднократно описанные в романтической литературе.

Человек как социальное существо испытывает две противоречивые потребности. С одной стороны, он стремится общаться с другими, делиться информацией о себе и получать признание других. С другой стороны, он желает закрыть от других некоторые стороны своей жизни. «Приватно жилище, общение с друзьями. Приватны также удовольствия, пороки, тайные сокровища и убеждения, вкус и вера. Многие телесные практики мы совершаем в сфере приватности. И, в конце концов, мысли и чувства, удовольствия ума, страсть сердца, воспоминания, желания и мечты – ничто не кажется приватнее, чем внутренний мир человека, закрытый и ограниченный оболочкой тела» [29, S. 30].

Индивид должен иметь возможность действовать, исходя из уверенности в том, что за ним не наблюдают и не подслушивают. Мы находимся под давлением не только государственной идеологии, но и требований наших друзей и знакомых, поскольку должны вести себя в соответствии с их представлениями. В противном случае мы рискуем вызвать их неодобрение или насмешку. Мы можем быть самими собой только будучи уверенными, что за нами нет наблюдения. «Чтобы оставаться психически здоровыми, нам требуется закрытое пространство, открытое только для тех, кому мы доверяем, с кем мы имеем молчаливое взаимопонимание, кем наши секреты не будут обнаружены» [21, р. 241].

Приватность необходима нам для защиты от взгляда Другого. Как отмечает Е.В. Ходус, наличие когнитивной фигуры Другого является условием оформления опыта приватности. «Без внешней позиции, без объективизирующего взгляда Другого мы вряд ли опознали бы саму возможность жизненного опыта, именуемого как “свой”, “собственный”, “личный”, “приватный”» [16, с. 115–116]. Опыт приватности включает в себя осознание собственной отграниченности от внешнего мира.

Границы приватного пространства – это линия соприкосновения моего и чужого, «я» и «ты». Приватность как нечто принадлежащее мне есть то, что мы прячем от взгляда или вмешательства Другого, без существования которого эти действия не имели бы смысла. Таким образом, наличие

Другого создает причину и смысл для существования закрытого от него приватного пространства как территории личной автономии.

Ж.-П. Сартр отмечает эффект взгляда внешнего наблюдателя, который объективирует человека, связывает его и определенным образом редуцирует: Другой – это начало, для которого я являюсь объектом. В результате внешнего наблюдения я вынужден вести себя более осторожно, наблюдая за своими действиями как бы со стороны. Это отчуждает человека от самого себя, поскольку он выступает как бы в роли третьего лица, не являясь более хозяином ситуации. Присутствие Другого ограничивает мою свободу, забирает у меня возможность для самоопределения, способность независимо понимать и интерпретировать самого себя: «быть рассматриваемым – значит постигать себя как неизвестный объект непознаваемых оценок, в частности ценностных суждений» [15, с. 290]. Я переживаю взгляд Другого как смерть моих возможностей, субъективное отчуждение от самого себя.

Следовательно, для того чтобы чувствовать себя хозяином ситуации, необходимо быть защищенным от оценивающего и объективирующего взгляда Другого. Отсюда вытекает потребность в уединении, когда можно вести себя независимо от чьих бы то ни было взглядов и оценок. Взгляд Другого «может меня ограничивать в моей автономии, в моем стремлении действовать автономно и аутентично» [28, S. 273]. Претензии на приватность в определенном смысле являются претензиями на свободу. Обладающие приватным пространством субъекты имеют возможность ухода в свою сферу, которая необходима для субстанциализации свободы. Иметь возможность укрыться от взглядов других – необходимое условие для индивидуальной свободы и автономии.

Наличие пространства для уединения необходимо для размышлений, личностного развития, занятий творчеством. В эссе «Своя комната» В. Вульф жаловалась, что в XIX в. женщине невозможно было найти уединенное помещение, где бы ее никто не беспокоил. Она «не могла и мечтать о своей комнате, не говоря о тихой или запертой от посторонних» [4]. Приходилось писать в общей комнате, прикрывая свои рукописи, чтобы их не увидели домашние. «Своя комната» выступает в роли защитного пространства, давая возможность автономной, никем не наблюдаемой жизни. В этом приватном убежище можно отдохнуть от общества, не будучи побуждаемым к каким-либо действиям или поведению. Здесь человек самостоятельно решает, какими вещами он хочет себя окружить. Любое непрошенное вторжение в собственное жилище воспринимается так болезненно именно потому, что оно нарушает сокровенную жизненную сферу.

Кроме того, потребность в уединении связана с нашей телесной экзистенцией, так как в ней мы сталкиваемся со здесь-бытием не только как

действующие лица, но и как уязвимые, как смертные. Х. Арндт описывает, как для нашей телесной природы необходима темнота и укрытость частного пространства, которое является чем-то большим, чем просто среда обитания. Оно, будучи частным, предоставляет место, где «могло совершаться то, что по своей сути было тайным, и ее неприкосновенность состояла потому в теснейшей связи со святостью рождения и смерти, с сокровенным началом и концом смертных, приходящих как всё живое из темноты и возвращающихся во тьму подземного царства» [1, с. 81]. Начало и конец жизни могут быть сохранены лишь там, куда не достигает дневной свет. Телесный стыд вызывает желание укрыться от чужих взглядов в уединенном пространстве.

В связи с собственной телесностью человек испытывает стыд, когда понимает, что является объектом для Другого, когда Другой смотрит на него. Субъект становится открытым для наблюдения и оценки со стороны Другого. В этот момент субъект скован, публично разоблачен и испытывает драматическую утрату свободы. «Если я полностью охвачен стыдом, Другой оказывается необъятным и невидимым присутствием» [15, с. 292]. К тому же возможность уединения защищает не только частную, но и публичную сферу от демонстрации нежелательных аспектов чужой интимной жизни.

Мы реализуем потребность в уединении, как правило, в «своем» помещении, где отсутствуют зрители и локализуется частная жизнь: в квартире, комнате – в своем доме, которому мы приписываем защитную функцию. Помещение становится частным в результате того, что человек самостоятельно решает, кого и когда впускать внутрь. Потребность какое-то время побыть в уединении может возникать не только по отношению к чужим, но и к самым близким людям.

Это связано с необходимостью отдыха от социальных ролей ради возможности побыть самим собой. Поскольку в публичном пространстве приходится постоянно выполнять чьи-то ожидания, быть настороже, то частное пространство, напротив, предоставляет возможность отдыха как место, где можно расслабиться, снять социальную маску. По словам Ж. Дюби, частное помещение – это «зона неприкосновенная, хранящая секреты и предоставляющая убежище; здесь каждый может освободиться от оружия и доспехов, необходимых, дабы не остаться беззащитным в публичном пространстве» [9, с. 7]. В частном пространстве хранится всё то, что должно быть скрыто от чужого взгляда, что не следует публично демонстрировать.

Социологический анализ различия поведения в публичном и частном пространстве предлагает И. Гофман, описывающий целенаправленную презентацию себя другим в публичной жизни, определяемой им как

«сцена переднего плана» и отдых от социального спектакля в приватном пространстве «заднего плана». В обществе спектакля человек осознанно разыгрывает роль с целью произвести благоприятное впечатление на других, используя при этом соответствующие декорации: одежду и поведение, предназначенные для публики. Для отдыха от исполнения социальной роли ему требуется закулисная зона, куда закрыт вход для посторонних. Здесь наедине с собой или с близкими людьми можно расслабиться и отдохнуть. «Поскольку жизненно важные секреты спектакля находятся за кулисами и поскольку там же исполнители позволяют себе временно выходить из роли, естественно ожидать, что проход из зоны переднего плана в зону заднего плана будет закрытым для публики» [6, с. 150].

Тем не менее, являясь человеческой потребностью, приватность во многом зависит от историко-культурного контекста. В разных обществах существует разная степень потребности в «праве быть оставленным в одиночестве». «Не существует общества, в котором люди не пытались бы защищать свою собственную территорию от других. Никогда в истории человечества нагота, секс, мочеиспускание и дефекация не считались публичным делом» [29, S. 32]. Несмотря на то что границы приватного меняются в разные времена и в разных культурах, потребность в уединении в той или иной степени существует и зависит от степени развития индивидуального начала.

Приватность не всегда имела положительные коннотации. Слова, происходящие от латинского *privatus*, одновременно означали «принадлежащее индивиду, личное», но также и «отсутствие публичной должности или принадлежности королю», т. е. нечто связанное с ограничением, дефицитом чего-либо. В традиционном сословном обществе приватность еще не считалась преимуществом. «Приватному человеку был закрыт доступ к важнейшим институтам власти, деятельности. Возможность влияния и развития были для него во многом закрыты» [27, S. 9].

В разные эпохи существовало различное отношение к возможности побыть в одиночестве. В традиционном обществе потребность в отсутствии других ощущалась гораздо меньше, чем в наше время, а одиночество понималось как несчастье. Средневековые люди жили в коллективной феодальной общности, и «потому их мир нельзя назвать ни частным, ни публичным в том смысле, который мы сегодня вкладываем в эти термины» [2, с. 6]. Ограниченное традиционное сообщество, будучи единственной средой обитания индивида, представляло собой населенный людьми жизненный мир, где все были знакомы друг другу и где невозможно было укрыться от взгляда соседа. Человеческое жилье той эпохи не предполагало возможности уединения. Даже богатые и знатные люди жили в тесноте и скученности и не имели отдельного помещения, закрытого от других.

Одинокому человеку постоянно грозила опасность, поэтому люди стремились избежать изоляции. За пределами локального сообщества простирался чуждый, опасный мир, в котором не действовали человеческие законы и где индивид лишался поддержки общины. Поэтому когда человек осмеливался покинуть свой привычный мир, он делал это в составе группы. Этот пустынный мир вдали от человеческого очага внушал страх. Человек, пытающийся избавиться от слишком тесного общества, вызывал подозрения как опасный сумасброд, выбивающийся за границы нормы. Считалось, что изоляция от общества делает его уязвимым перед кознями дьявола, поэтому правильным делом является вернуть его в общество, несмотря на возможное сопротивление, «принудительно восстановить их в упорядоченном, четком мире, живущем по Божьим законам, где между закрытым, частным пространством и публичными, промежуточными зонами проходит осязаемая граница» [3, с. 613].

В Средние века, когда государство не защищало индивида, он мог выжить только в общине. Что же вызвало изменения в общественном сознании, повлиявшие на отношение к приватному пространству? В первую очередь экономический подъем, когда появилась возможность благодаря собственному трудолюбию и предприимчивости заработать деньги, делающие человека независимым от общины.

Еще одним фактором исследователи считают рост грамотности, переход к чтению в молчании и одиночестве, получивший развитие в бенедиктинских монастырях, где у монахов вырабатывалась эта привычка, несмотря на то что «чтение “про себя” оставалось трудным занятием в обществе, где одиночество было редким, исключительным состоянием» [14, с. 634]. Чтение в одиночестве должно было вести к молчанию, которое было необходимо для того, чтобы сосредоточиться. Монахам было запрещено разговаривать друг с другом, особенно в ночные часы. Целью молчания было выработать привычку к саморефлексии.

С процессом индивидуализации был связан расцвет автобиографической литературы того времени, в которой утверждается «независимость личности, распоряжающейся собственными воспоминаниями так же, как и сбережениями. Личность требует идентичности в рамках группы, права иметь тайны, отличные от тайн коллективных» [3, с. 617]. Автобиографические заметки давали возможность лучше познать себя.

Развитие внутреннего мира с помощью молитвы, уединения и молчания вело к возникновению потребности в наличии приватного пространства у образованных и обеспеченных слоев населения. Психологические изменения отражаются на обустройстве жилья, приводят к большей дифференциации помещений и уменьшению их площади. С конца Средних веков в домах привилегированного сословия создаются новые приватные

пространства, такие как кабинет или библиотека, имеющие свое особое назначение и считающиеся приватными. «Обладатель кабинета теперь мог войти в него и изнутри запереть дверь на ключ» [13, с. 243].

Личная библиотека дает возможность удаления от мира. Книга, читаемая молча и в тишине, «также становится излюбленным элементом ранее не существовавшего интимного пространства. Для тех, кто мог себе это позволить, библиотека превращается в убежище от мира, место ученых занятий и одиноких раздумий» [18, с. 157]. Проводимые в библиотеке часы устанавливают дистанцию приватности. В стенах библиотеки человек волен распоряжаться своим временем, будь то досуг или занятия. Поэтому предметом особых забот становится приобретение книг и обустройство помещения для них. Благодаря привычке к уединенному чтению, человек обращается к самому себе, к своим мыслям и чувствам, происходит формирование личности.

Другим пространством уединенности становится кабинет, где предаются научным занятиям или собирают коллекции личных вещей или ценностей. Его устраивают с учетом личных вкусов и потребностей. Наличие кабинета дает возможность побыть вне общения даже с членами семьи.

Все эти изменения привели к новым способам организации повседневной жизни. Если ранее люди мало внимания уделяли своему дому, то сейчас больше внимания уделяется его обстановке: начинают цениться красивые предметы интерьера, появляется специальная, более удобная домашняя одежда. Становятся важными место и время для отдыха и размышлений, пространство для личных интересов.

Как показывает Н. Элиас, постепенно всё больше областей человеческой деятельности вытесняется из публичной сферы. Телесные практики, связываясь с чувством стыда и неловкости, принимают всё более интимный характер и переводятся в приватное пространство. Для ухода за телом, сна, сексуальных отношений и т. п. человеку теперь требуется уединение, отсутствие наблюдателей. «Вовсе не казавшееся неприятным в Средние века поведение постепенно становится всё более связанным с ощущениями неудовольствия. Стандарт чувствительности выражается через соответствующие социальные запреты» [20].

В Новое время усиливается развитие индивидуализма. Более сложная и многогранная личность нуждается в обособлении от других, добровольно ищет уединения. Для любви к уединению появляются различные побудительные мотивы: как чтение и ученые размышления, так и молитвы и возможность побыть наедине с Богом или же попытки саморефлексии, возможность лучше узнать самого себя и свои чувства, описываемые в личном дневнике.

С развитием социально-экономических отношений в Новое время ускоряется процесс урбанизации. Трудовая и семейная жизнь теперь отделены друг от друга в пространстве и времени. В XIX в. общество становится анонимным, люди не знают друг друга и не стремятся узнать, отгораживая свое приватное пространство от чужих любопытных взглядов. Однако, по словам Ф. Арьеса, еще долгое время среди простого народа, особенно в деревенских обществах, «продолжают существовать прежние типы коллективной, общинной социальности: для мужчин – в кабаке, для женщин – в месте, где стирают белье, и для всех – на улице» [2, с. 8].

Право на уединение в приватном пространстве долгое время было классовой привилегией, поскольку для него нужны собственное комфортабельное жилье, материальные средства и время для досуга. Их наличие отделяло средний класс от низшего. Крестьяне жили в ветхих домах со стенами из глины, часто состоявших только из одной комнаты – одновременно кухни, спальни, кладовки и хлева. Также и городские съемные квартиры бедноты были перенаселенными, в них зачастую приходилось делить территорию с другими жильцами.

В XIX в. увеличивается население городов, где «происходит разрыв ранее существовавших традиционных связей и их замена поверхностью, мимолетностью и анонимностью контактов» [7, с. 13]. Отсюда возникает амбивалентное отношение к одиночеству: с одной стороны, оно желанно, а с другой – вызывает страх. Утративший корни и связь с традиционной общиной человек Нового времени всё чаще ощущает дефицит эмоционального тепла и безразличие к себе со стороны общества. Поэтому он стремится укрыться в приватной сфере своей малой семьи, которая приобретает особую значимость в буржуазном обществе, став единственной защитой от страхов и напряжений внешнего мира. Платой за индивидуализм становится необходимость терпеть одиночество и отчужденность.

Тем не менее только во второй половине XX в. большинство европейского населения обрело приватное пространство по причине роста общего благосостояния и массового строительства жилья. В результате изменились нормы и менталитет совместной жизни. Если ранее приватность разделялась с другими членами семьи, то сегодня существует тяга не к разделенной, а к обособленной приватности. Согласно М. Брискорн-Цинке, в наше время индивидуум постепенно становится собственным носителем и местом приватности. «Моя квартира, моя комната, моя кровать, а также мои книги, диски, мой компьютер и, не в последнюю очередь, моя внутренняя жизнь, мои приватные тайны, которые не касаются никого другого» [23, S. 59].

У современного человека существует психологическая потребность человека в наличии своего приватного пространства. Согласно результа-

там исследований, респонденты, «обладающие частным пространством и умеющие выстраивать социальное взаимодействие с соблюдением суверенности своих границ, отличаются стабильным эмоциональным фоном, спокойствием и выдержанностью» [19, с. 112]. Напротив, при нарушении частного пространства наблюдается рост напряженности, тревоги и психологического дискомфорта. Когда у человека отсутствует право на уединение, возникают проблемы депривации. Еще Ф.М. Достоевский в «Записках из Мертвого дома» писал о том, что невозможность уединения – это одно из самых страшных испытаний для человека. «Например, я бы никак не мог представить себе: что страшного и мучительного в том, что я во все десять лет моей каторги ни разу, ни одной минуты не буду один? На работе всегда под конвоем, дома с двумястами товарищей и ни разу, ни разу – один!» [8, с. 11]. И далее: «Впоследствии я понял, что, кроме лишения свободы, кроме вынужденной работы, в каторжной жизни есть еще одна мука, чуть ли не сильнейшая, чем все другие. Это *вынужденное общее сожительство*» [8, с. 23].

И. Гофман описывает тотальные институты, характер которых проявляется в подавлении человека, в ограничении его свободного общения с внешним миром, с одной стороны, и в невозможности избежать общения с представителями данной тотальной институции – с другой. Если одной из основных особенностей современного общества является разделение различных сфер жизни: человек работает и отдыхает в разных местах, в одиночестве или с разными людьми, то в тотальных институтах происходит разрушение границ между частным и публичным пространством. «Во-первых, все сферы реализуются здесь в одном и том же месте, подчиняясь одной и той же власти. Во-вторых, каждая фаза ежедневной деятельности членов группы протекает в многочисленной тесной компании других, с которыми одинаково обращаются и которые совместно выполняют одну и ту же деятельность» [5, с. 40]. То есть человек не может по своему желанию выбрать уединение, не имеет права на закрытое от чужих глаз частное пространство.

По словам Э. Блоустейна, вмешательство в частность угрожает нашей индивидуальной свободе. «Человек, который вынужден жить каждую минуту своей жизни среди других и каждое желание, мысль, потребность или фантазия которого становятся предметом публичного любопытства, депривирован в своей индивидуальности и человеческом достоинстве» [22, р. 188]. Он сливается с массой, поскольку вынужден публично демонстрировать все свои мысли и чувства, подстраиваясь под требования окружающих. Такое существование перестает быть индивидуальным и неповторимым. Поэтому во всех развитых странах существуют законы, запрещающие несанкционированное вторжение в чужой дом, подглядыва-

ние и прослушивание. «Право на защиту от непрошеного наблюдения и публичного обсуждения является базовым для нашей концепции личности» [17, с. 198].

Классический литературный пример отсутствия права на приватность – знаменитая антиутопия «1984» Дж. Оруэлла, в которой героям не позволено иметь личного пространства, где они могли бы побыть наедине с собой. Никакая мысль, никакое действие или побуждение не должны быть оставлены без контроля государства. Однако именно наличие крохотного помещения, куда не может заглянуть камера Большого Брата, вызывает у главного героя потребность в освобождении индивидуальных мыслей и чувств. Наличие защищенного от наблюдений уголка пробуждает индивидуальность: Уинстон начинает вести дневник. Согласно Б. Рёслер, возможность ненаблюдаемой жизни является конститутивной для возможности автономной, т. е. аутентичной жизни, для которой «необходимо личное пространство, без чего ни истина, ни свобода, ни справедливость не являются возможными» [28, S. 264].

Поэтому радикальная транспарентность общества – часто встречающийся сюжет социальных антиутопий. Приватное пространство и уединение нужно человеку не для того, чтобы скрывать что-то постыдное, а чтобы иметь возможность думать, чувствовать и вести себя свободно, не подстраиваясь под ожидания окружающих. «Присутствие других – непосредственное, на расстоянии или даже воображаемое – неминуемо повлияет на наше поведение и изменит его» [26, p. 140].

Таким образом, можно прийти к выводу, что современный человек не может жить без приватного пространства, которое связано со многими базовыми ценностями нашей жизни: свободой, автономией, человеческим достоинством. Наличие у человека приватного пространства, где он может побыть наедине с самим собой, подразумевает право самостоятельно контролировать многие аспекты его собственной жизни, закрывать их от глаз общества и государства. Приватность предполагает не полное одиночество и изоляцию, а право самостоятельно регулировать степень своей открытости и закрытости для общества.

Литература

1. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни.* – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
2. *Арвес Ф. К истории частной жизни // История частной жизни.* – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – Т. 3: От Ренессанса до эпохи Просвещения. – С. 6–26.
3. *Рождение индивида / Д. Бартеlemi, Ф. Контамин, Ж. Дюби, Ф. Браунштайн // История частной жизни.* – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – Т. 2: Европа от феодализма до Ренессанса. – С. 611–752.

4. Вулф В. Своя комната. – URL: <http://apropospage.ru/person/vulf/newsvulf3.html> (дата обращения: 20.05.2020).
5. Гофман П. Об особенностях тотальных институций. – URL: <https://iphras.ru/uplfile/reznik/sovet/bibl/1/Goffman3.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).
6. Гофман П. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. – 304 с.
7. Горнова Г.В. Город и одиночество // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. – 2019. – № 1. – С. 12–15.
8. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. – Омск: Омск. кн. изд-во, 1982. – 304 с.
9. Дюби Ж. Предисловие к «Истории частной жизни» // История частной жизни. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – Т. 1: От Римской империи до начала второго тысячелетия. – С. 5–9.
10. Ишанов С.А., Осин Е.Н., Костенко В.Ю. Личностное развитие и качество уединения // Культурно-историческая психология. – 2018. – Т. 14, № 1. – С. 30–40.
11. Ларина Т.В. «Privacy», или автономия личности, как важнейший концепт английской культуры // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2003. – № 1. – С. 128–134.
12. Левинас Э. Время и другой; Гуманизм другого человека. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 264 с.
13. Ранум О. Прибежища интимности // История частной жизни. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – Т. 3: От Ренессанса до эпохи Просвещения. – С. 238–294.
14. Руш М. Раннее западноевропейское Средневековье // История частной жизни. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – Т. 1: От Римской империи до начала второго тысячелетия. – С. 489–646.
15. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
16. Ходус Е.В. Позиция Другого как необходимый момент конструирования частного опыта бытия // Вісник Львівського університету. Серія філософсько-політологічні студії. – 2017. – Вип. 13. – С. 115–124.
17. Чеснокова А.В. Право на приватность как необходимый аспект человеческого достоинства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6 (80), ч. 1. – С. 196–199.
18. Шартье Р. Практики письма // История частной жизни. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – Т. 3: От Ренессанса до эпохи Просвещения. – С. 129–182.
19. Шукина М.А., Жданова А.А. Зоны психологического пространства личности // Петербургский психологический журнал. – 2017. – № 18. – С. 112–139.
20. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. – М.; СПб., 2001. – URL: http://krotov.info/library/26_ae/li/as_06.htm (дата обращения: 20.05.2020).

21. *Benn S.* Privacy, Freedom and Respect for Persons // *Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology* / Ed. by F. Schoeman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 223–244.
22. *Bloustein E.I.* Privacy as an Aspect of Human Dignity. An Answer to Dean Prosser // *Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology* / Ed. by F. Schoeman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 156–202.
23. *Briskorn-Zinke M.* Zur Kulturgeschichte des Privaten Lebens mit Schwerpunkt auf dem 20 Jahrhundert // *Kultur der Privatheit in der Netzgesellschaft* / hrsg. von G. Boehme, U. Gahlings. – Bielefeld: Aisthesis, 2018. – S. 49–64.
24. *Garrison R.* Privacy and the Limits of Law // *Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology* / Ed. by F. Schoeman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 346–402.
25. *Longman Dictionary of English Language and Culture.* – Edinburgh: Longman, 1998. – 1568 p.
26. *McStay A.* Privacy and Philosophy. – New York: Peter Lang, 2014. – 186 p.
27. *Naumann B.* Privatheit – das Obscure Objekt // *Figurationen. Gender. Literatur. Kultur* / hrsg. von B. Naumann. – Köln: Böhlau, 2018. – S. 7–12.
28. *Rösler B.* Der Wert des Privaten. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001. – 379 S.
29. *Sofsky W.* Verteidigung des Privaten. Eine Streitschrift. – München: Beck, 2007. – 158 S.
30. *Warren S.D., Brandeis L.D.* The Right to Privacy [The Implicit Made Explicit] // *Philosophical Dimensions of Privacy: An Anthology* / Ed. by F. Schoeman. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 75–104.
31. *Webster's Third New International Dictionary. Vol. 2.* – London: Encyclopaedia Britannica, 1993. – 1804 p.

Статья поступила в редакцию 08.11.2019.

Статья прошла рецензирование 25.12.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-434-451

THE RIGHT TO BE LET ALONE AS A CONDITION FOR FORMALIZING PRIVACY EXPERIENCE

Chesnokova Lesya,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Omsk State Transport University,

35 K. Marx Ave., Omsk, 644046, Russian Federation

ORCID: 000-0003-4283-0443

L.Tchesnokova@mail.ru

Abstract

The article discusses the individual's right to privacy in his/her private space. The right to privacy does not imply complete loneliness and lack of social contacts, but the ability to independently regulate the degree of intimacy and distance in relations with other people. A person as a social being needs both communication and rest from other people in his private space, which provides an opportunity for leisure and personal self-development. One's own home is closed from the objectivizing gaze of the Other; there is no need to wear a social mask, take into account the opinions of others, be subjected to someone's assessments. The need for privacy is also due to the bodily nature of man, because according to public regulations, many actions related to body care should be closed to the public.

The degree of need to be outside of society varies in different times and cultures. In the traditional society of the Middle Ages, being alone was regarded as a state of danger, an experience of failure, which was caused by the weakness of state structures that did not provide the individual with protection. With the growth of individualism associated with the strengthening of the state, as well as an increase in the well-being and literacy of the population, the life of the individual becomes more complicated and the need for privacy increases. In modern times, there is a differentiation of home space: there are such types of rooms as a library, a study, a room where a person could indulge in relaxation, thought, or reading alone. For a long time, only wealthy people could afford private space. However, from the second half of the 20th century, such an opportunity arises for the majority of the population of developed countries.

For a modern person, the presence of his private space is a psychological need, the absence of which causes a state of deprivation, anxiety and irritation. Violation of private space is characteristic of totalitarian regimes seeking to exercise total observation and control over an individual. The right to privacy is constitutive of human dignity and is fundamental to the modern concept of personality, its freedom and autonomy.

Keywords: loneliness, solitude, privacy, physicality, autonomy of a person, the view of the Other, deprivation.

Bibliographic description for citation:

Chesnokova L. The Right to Be Let Alone as a Condition for Formalizing Privacy Experience. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 2, pt. 2, pp. 434–451. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.2-434-451.

References

1. Arendt H. *Vita Activa Oder Vom Tätigen Leben*. Stuttgart, W-Kohlhammer, 1960 (Russ. ed.: Arendt Kh. *Vita activa, ili O deyatel'noi zhizni*. Translated from German and English. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000. 437 p).
2. Ariès P. Pour une *Histoire de la vie Privée*. *Istoriya chastnoi zhizni*. T. 3. *Ot Renessansa do epokhi Prosveshcheniya* [Histoire de la vie Privée. T. 3. De la Renaissance aux Lumières] Translated from French. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, pp. 6–26. (In Russian).
3. Barthélemy D., Contamine P., Duby G., Braunstein P. Naissance d'un Individu. *Istoriya chastnoi zhizni*. T. 2. *Evropa ot feodalizma do Renessansa* [Histoire de la vie Privée. T. 2. De l'Europe féodale à la Renaissance]. Translated from French. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, pp. 611–752. (In Russian).
4. Woolf V. *Svoya komnata* [A Room of One's Own]. (In Russian). Available at: <http://apropospage.ru/person/vulf/newsvulf3.html> (accessed 20.05.2020).
5. Goffman E. *Ob osobennostyakh total'nykh institutsii* [On the Characteristics of Total Institutions]. (In Russian). Available at: <https://iphras.ru/uplfile/reznic/sovet/bibl/1/Goffman3.pdf> (accessed 20.05.2020).
6. Goffman E. *The Presentation of Self in Every Day Life*. Edinburgh, University of Edinburgh, Social Sciences Research Centre, 1956 (Russ. ed.: Goffman I. *Predstanlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni*. Moscow, Kanon-press-Z Publ., 2000. 304 p.).
7. Gornova G.V. Gorod i odinochestvo [City and Loneliness]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2019, no. 1, pp. 12–15.
8. Dostoevskii F.M. *Zapiski iz mertvogo doma* [Notes from the House of the Dead]. Omsk, Omskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1982. 304 p.
9. Duby G. Préface à l'*Histoire de la vie Privée*. *Istoriya chastnoi zhizni*. T. 1. *Ot Rimskoi imperii do nachala vtorogo tysyacheletiya* [Histoire de la vie Privée. T. 1. De L'Empire Romain à l'an Mil]. Translated from French. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, pp. 5–9. (In Russian).
10. Ishanov S.A., Osin E.N., Kostenko V.Yu. Lichnostnoe razvitie i kachestvo uedineniya [Personal Development and the Quality of Solitude]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2018, vol. 14, no. 1, pp. 30–40. (In Russian).
11. Larina T.V. "Privacy", ili avtonomiya lichnosti, kak vazhneishii kontsept angliiskoi kul'tury [Privacy, or Autonomy of the Person, as Major Concept of English Culture]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya = RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 2003, no. 1, pp. 128–134.

12. Levinas E. *Vremya i drugoi* [Le Temps et L'autre], *Gumaniz'm drugogo cheloveka* [Humanisme de L'autre Homme]. Translated from French. St. Petersburg, Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola Publ., 1998. 264 p. (In Russian).
13. Ranum O. Les Refuges de L'intimité. *Istoriya chastnoi zhizni*. T. 3. *Ot Renessansa do epokhi Prosveshcheniya* [Histoire de la vie Privée. T. 3. De la Renaissance aux Lumières] Translated from French. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, pp. 238–294. (In Russian).
14. Rouche M. Haut Moyen Age Occidental. *Istoriya chastnoi zhizni*. T. 1. *Ot Rimskoi imperii do nachala vtorogo tysyacheletiya* [Histoire de la vie Privée. T. 1. De L'Empire Romain à l'an Mil]. Translated from French. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, pp. 489–646. (In Russian).
15. Sartre J.-P. *L'Être et le Néant: Essai d'Ontologie Phénoménologique*. Paris, Gallimard, 1943 (Russ. ed.: *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoi ontologii*. Moscow, Respublika Publ., 2000. 639 p.).
16. Hodus E.V. Pozitsiya Drugogo kak neobkhodimyi moment konstruirovaniya privatnogo opyta bytiya [Position of the Other as the Necessary Moment of the Constitution of Private Experience of Being]. *Visnik L'viv'skogo universitetu. Seriya filosof's'ko-politologichni studii = Visnyk of the Lviv University. Philosophical Political Studies*, 2017, iss. 13, pp. 115–124. (In Russian).
17. Chesnokova L. V. Pravo na privatnost` kak neobkhodimyi aspect chelovecheskogo dostoinstva [The Right to Privacy as a Necessary Aspect of Human Dignity]. *Istoriicheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2017, no. 6 (80), pt. 1, pp. 196–199.
18. Chartier P. Les Pratiques de L'écrit. *Istoriya chastnoi zhizni*. T. 3. *Ot Renessansa do epokhi Prosveshcheniya* [Histoire de la vie Privée. T. 3. De la Renaissance aux Lumières] Translated from French. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, pp. 129–182. (In Russian).
19. Shchukina M.A., Zhdanova A.A. Zony psikhologicheskogo prostranstva lichnosti [Zones of Psychological Space of a Personality]. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal = St. Petersburg Psychological Journal*, 2017, no. 18, pp. 112–139. (In Russian).
20. Elias N. *O protsesse tsivilizatsii: Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya* [The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Investigations]. Moscow, St. Petersburg, 2001. Available at: http://krotov.info/library/26_ae/li/as_06.htm (accessed 20.05.2020).
21. Benn S. Privacy, Freedom and Respect for Persons. *Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology*. Ed. by F. Schoeman. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 223–244.
22. Bloustein E.I. Privacy as an Aspect of Human Dignity. An Answer to Dean Prosser. *Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology*. Ed. by F. Schoeman. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 156–202.

23. Briskorn-Zinke M. Zur Kulturgeschichte des Privaten Lebens mit Schwerpunkt auf dem 20. Jahrhundert. *Kultur der Privatheit in der Netzgesellschaft*. Hrsg. von G. Boehme, U. Gahlings. Bielefeld, Aisthesis, 2018, pp. 49–64. (In German).
24. Gavison R. Privacy and the Limits of Law. *Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology*. Ed. by F. Schoeman. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 346–402.
25. *Longman Dictionary of English Language and Culture*. Edinburgh, Longman, 1998. 1568 p.
26. McStay A. *Privacy and Philosophy*. New York, Peter Lang, 2014. 186 p.
27. Naumann B. Privatheit – das Obscure Objekt. *Figurationen. Gender. Literatur. Kultur*. Hrsg. von B. Naumann. Köln, Böhlau, 2018, pp. 7–12. (In German).
28. Rössler B. *Der Wert des Privaten*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2001. 379 p. (In German).
29. Sofsky W. *Verteidigung des Privaten. Eine Streitschrift*. München, Beck, 2007. 158 p. (In German).
30. Warren S.D., Brandeis L.D. The Right to Privacy [The Implicit Made Explicit]. *Philosophical Dimensions of Privacy: An Anthology*. Ed. by F. Schoeman. Cambridge, Cambridge University Press, 2007, pp. 75–104.
31. *Webster's Third New International Dictionary*. Vol. 2. London, Encyclopaedia Britannica, 1993. 1804 p.

The article was received on 08.11.2019.

The article was reviewed on 25.12.2019.